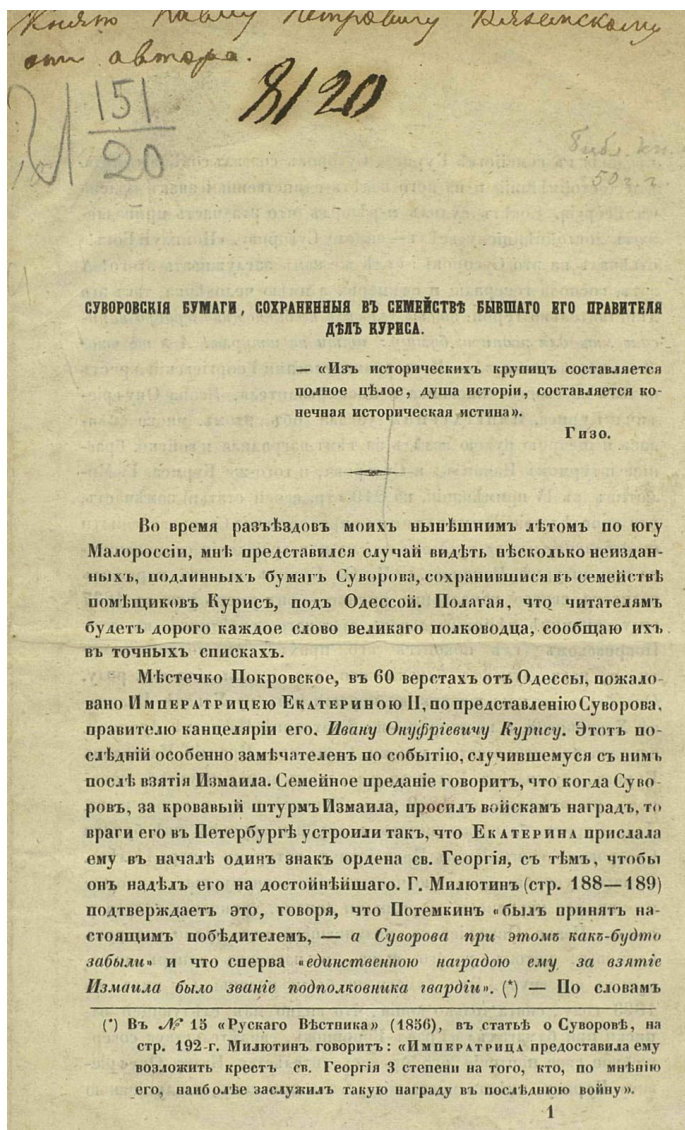

Данилевский Г.П.

Суворовские бумаги, сохраненные в семействе бывшего его правителя дел Куриса

© OCR, подготовка текстовой версии - Игорь Андреев-Попович, Екатеринбург, фотограф (<http://andreevigor.livejournal.com>)

© Web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!" (<http://adjutant.ru>)

Примечания Адъютанта.

1. В оригинальном издании подписано только первое письмо (Письмо дочери Суворова), остальные приводятся только по номерам (II-XII). В электронной версии добавлены адресаты писем и даты написания, если известны.
2. Подстрочные примечания в оригинале располагаются в нижней части страницы, в электронной версии вынесены в конец текста.

Содержание

Вступление.....	3
I. Письмо дочери Суворова ²	4
II. Письмо Кострова от 30.09.1792.....	6
III. Заметка из дневника Суворова 1792.....	7
IV. Письмо Суворова к неизвестному от 3.08.1792.....	7
V. Заметка из дневника Суворова 11.10.1792.....	8
VI. Письма П.И. Турчанинова Суворову от 14.01.1793 и 11.02.1793.....	8
VII. Письмо Суворова П.И. Турчанинову от ?.04.1793.....	9
VIII. Письмо Суворова П.А. Зубову от ?.06.1793.....	9
IX. Письма П.А. Зубова Суворову.....	10
X. Письмо Суворова Екатерине II от ?.06.1793.....	11
XI. Переписка Суворова с Курисом 1793-1794.....	11
XII. Заметки и копии черновых писем Суворова (без дат).....	12
Примечания.....	15

Вступление

«Из исторических крупиц составляется
полное целое, душа истории, составляется
конечная историческая истина».
Гизо.

Во время разъездов моих нынешним летом по югу Малороссии, мне представился случай видеть несколько неизданных, подлинных бумаг Суворова, сохранившихся в семействе помещиков Курис, под Одессой. Полагая, что читателям будет дорого каждое слово великого полководца, сообщая их в точных списках.

Местечко Покровское, в 60 верстах от Одессы, пожаловано Императрицей Екатериной II по представлению Суворова правителю канцелярии его *Ивану Онуфриевичу Курису*. Этот последний особенно замечателен по событию, случившемуся с ним после взятия Измаила. Семейное предание говорит, что когда Суворов за кровавый штурм Измаила просил войскам наград, то враги его в Петербурге устроили так, что Екатерина прислала ему вначале один знак ордена св. Георгия с тем, чтобы он надел его на достойнейшего. Г-н Милютин (стр. 188-189) подтверждает это, говоря, что Потемкин «был принят настоящим победителем, а Суворова при этом как будто забыли» и что сперва «единственной наградой ему за взятие Измаила было звание подполковника гвардии»¹.

[2] По словам предания в семействе Куриса, Суворов созвал совет судить, кто достойнейший и на кого надеть единственный знак ордена Св. Георгия. Совет судил и решил, что эта часть принадлежит достойнейшему из всех – самому Суворову. «Помилуй Бог! – отвечал Суворов, - где же нам заслуживать этого! А вот, господа генералы и офицеры, я имею человека, так это действительно герой; *этот человек необыкновенно храбро написал мне для подписи бумагу: идти на штурм! А я что? Я только подписал!*» И с этими словами Георгиевский крест надел на своего чиновника и письмоводителя Ивана Онуфриевича Куриса. Императрица узнала об этом, много смеялась и щедрою рукою вслед за тем наградила и войско, бравшее штурмом Измаил, и Суворова, и того же Куриса. Г. Милютин (в IV примечании, на 210 стр. своей статьи) замечает, что впоследствии Императрица «предоставила Суворову войти с *дополнительным представлением* о награждении отличившихся при штурме Измаила». И.О. Курис задолго пережил великого своего начальника, а именно – он умер уже в 1837 году в чине действительного статского советника в селе Покровском (где покоится его прах), в полной памяти и, как думают близкие его, ста десяти лет от роду.

Он был дважды женат, в первый раз на Ульяне Ивановне Ханенковой, а во второй – на Екатерине Ивановне Дуниной, пережившей его дестью годами. Сын его, Ираклий Иванович Курис, служил в Бугском уланском полку и умер майором в отставке в 2849 году. У последнего осталась жена, Л. С. Курис, благосклонность которой и вручены мне бумаги Суворова, и сын Иван Ираклиевич которому теперь 14 лет. Бумаги Суворова, большею частью собственноручные, черновые клочки его переписки с разными лицами хранились сперва у самого Ивана Онуфриевича, получившего их прямо из рук Суворова, потом у его сына и, наконец, теперь перешли к его внуку. Эти бумаги не были изданы. С них в 1833 году снята только копия, что видно из следующей записки при бумагах: «Граф Воронцов, свидетельствуя совершенно свое почтение его превосходительству Ивану Онуфриевичу Курису, имеет честь возвратить при сем с душевной [3] признательностью подлинные письма князя Суворова, по снятии с них копий – 11 Августа 1833 г., Одесса». Приводим эти бумаги в

самой точной копии, расположив их в хронологическом порядке. Рукою первого владельца их на оберточном листе этих отрывков написано общее заглавие: «*Суворовские бумаги*», так как тут, кроме подлинных писем Суворова к самому Курису и черновых писем его к Императрице и другим лицам, находятся еще заметки Суворова в виде дневника и письма к нему некоторых лиц. Очевидно, что эти бумаги или остались случайно в портфеле Куриса или выпрошены им у Суворова на память, что менее достоверно.

Прежде всего идет письмо дочери Суворова на Французском языке. Сообщая его вместе с другими бумагами, я питаю убеждение, что всякому Русскому дорого будет встретиться как с самым коротеньким и своеобразным изречением великого победителя в Турции и Италии, так и с каждою чертою отношений его к разным лицам, начиная от бессмертной «матушки Царицы» до стихотворца, писавшего ему страстные оды, и до не менее любезной сердцу всякого Русского «*суворушки*».

I. Письмо дочери Суворова²:

Mon très cher Pere.

Depuis bien longtems, mon très cher Pere, j'ai été privée du plaisir de recevoir de vos nouvelles; ne sachant pas la cause d'un si cruel silence, je l'attribuois à une maladie ou a quelque autre maleur. Mais grace à Dieu, votre lettre vient de calmer mes inquietudes. Je ne puis vous exprimer la joie qu'elle m'a causée. Soyez persuadé, mon cher Papa, que je ferai tout pour vivre conformément Selon vos conseils, vous me trouverez toujours la plus parfaite sommission à votre volonté ; car, vous savez combien vous m'etes cher. Le suis bien fachée, mon cher Papa, de vous donner de la peine, car sûrement vous en aurez en apprenant que ma respectable maman Madame de Lafond à [4] été bien malade. Cependant elle est beaucoup mieux. Dieu veuille nous la conserver. Nous l'aimons toutes avec une veritable tendresse. Elle vous fait bien de compliments.

Ma chere maman Софья Ивановна consents de bon coer que j'employe l'argent que vous m'avez destiné pour des *Гастинцы* à acheter un Clavecin. Il est même deja prêts. Elle vous prie d'ordonner que cet argent me soit remis, car vous savez, mon très cher Papa, qu'elle ne l'a pas accepté alor, et depuis elle n'a plus revu le Monsieur qui avoit la commission de la lui remettre. C'est un Clavecin organisé qui coute 500 roubles et sitot que je serai en état de le payer, je pourrai déjà l'employer à mon usage dès àpresent. – Le prie Dieu du fond de mon coeur qu'il me con serve un pere cheri. Je ne puis singer sans verser des larmes et sans fremir, aux perils qui menacent chaque jour la vie précieuse de mon père. – Сестрицы вам кланяются. Ich Küsse Ihnen die Hände!

Остаюсь Милостивой Государь Батюшка ваша
всепокорная дочь Г. Н. Суворова-Рымникская.
17 Апреля 1790 г.

Перевод Адъютанта. (французский текст написан с небольшими ошибками, последняя фраза – на немецком языке.)

Мой дорогой отец.

Вот уже долгое время я была лишена удовольствия получать от вас новости; не зная причину столь жестокого молчания, я заподозрила болезнь или какие-нибудь другие трудности. Но слава Богу, ваше письмо только что успокоило мое беспокойство. Я не могу выразить вам ту радость, которую оно мне доставило. Будьте уверены, дорогой папа, что я сделаю все, чтобы жить совершенно соответственно вашим советам; вы знаете, сколь вы мне дороги. Мне жаль, дорогой папа, и вы конечно будете расстроены, узнав, что моя почтенная маман мадам де Лафон была весьма больна.

Между тем ей намного лучше. Бог захотел сохранить ее нам. Мы все любим ее с настоящей нежностью. Она делает вам много комплиментов.

Моя дорогая маман Софья Ивановна от чистого сердца согласна, чтобы я использовала деньги, полученные от вас на *Гастинцы*, для покупки клавесина. Она сама очень нуждается. Она просит вас устроить, чтобы эти деньги были мне вручены, поскольку вы знаете, дорогой папа, что она не приняла их тогда, и более не видела господина, который требовал с нее комиссию, чтобы их отдать. Этот клавесин стоимостью 500 рублей я могу получить не иначе, как оплатив его с помощью презента. – Я прошу в своем сердце Бога, чтобы он хранил моего дорогого отца. Я не могу не проливать слезы и не содрогаться тем ужасам, которые угрожают каждый день жизни моего драгоценного отца. Сестрицы вам кланяются. Целую ваши руки!

Теперь следует письмо и послание к Суворову поэта Кострова от 1792 года. В это время Суворов жил в Финляндии. Г-н Милютин говорит: «В 1791 году война с Турцией кончилась Яским миром, а Потемкин вскоре умер. Суворов оставался еще более года в Финляндии, занимался своею должностью с обычным рвением и усердием. Старания его опять вооружили против него множество старых и новых врагов» (стр. 189). В это время раздался голос мирного стихотворца Ермила Кострова. Подозревать беспечного весельчака и гуляку Ермила Ивановича Кострова, первого переводчика Илиады, в расчетливой лестии победителю Измаила вряд ли кто решится из читателей. Наивный предшественник Гнедича также простодушно воспевал Суворова, как и себя самого. Вот его эпитафия, написанная в честь себе самому:

«Седьмь знатных городов Европы и Асии
Стязались: кто из них Гомера в свет родил? [5]

Костров их спор решил:

В стихах своих России –

Отца стихов усыновил!»

(Сочинения Кострова, изд. Смирдина, 1849 г., 209 стр.)

В полном собрании сочинений Кострова имя Суворова встречается в двух стихотворениях: «*Ода графу А. В. Суворову-Рымникскому*» (стр. 141) и «*Эпистола, ему же, на взятие Измаила*». Отношения между поэтом и знаменитым вождем начались бескорыстно, из чистой восторженной преданности первого и вследствие громкой, увлекающей славы второго. Первая ода начинается словами: «Герой! твоих побед я громом изумлен; чудясь, безмолвствовал в забвении приятном!» Далее он говорит голосом всех, кто с первой же минуты составил горячую народную партию оригинального полководца:

«*Что сих побед вина? Герой наш мало спит;*

Исполнен к отчеству любви и к Богу веры,

Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит.

Спокойно зиждет все, сообразует меры,

Любим подвластными, их попечитель нужд,

Труды являет им, как некие забавы,

Корысти подлой чужд –

Ревнитель Россам славы!»

Более искреннего голоса мы не знаем во всем ряду Русских стихотворцев, воспевавших полководцев, начиная от Тредьяковского, до газетных стихотворений последнего времени. Лиризм Ермила Ивановича в этом отношении веет чем-то столько же душевным и честным, как лиризм образцового стихотворения Пушкина о Барклае де Толли. Самые странности мадригальной речи того времени в устах его получают оттенок, чуждый всего смешного и приторного. Ода кончается словами:

«Услужливый Зефир, обрадуй, воскрылись,

Неси к Суворову, носи мой голос лирный!
Летя к нему, не бойсь, приятен им Герой;
Пременят для него угрюмость разговоров [6]
И повторят с тобой:
Велик, велик Суворов!»

В печатной «Эпистоле эта наивность выступает еще в более ярком виде. В одном месте он говорит:

*«Позволь, дрожащий Граф, миролюбивой музе,
Живущей с нежностью и тишиной в союзе,
Сражений бурных звук от мыслей удалить,
И взор души от рек кровавых отвратить...
Упрямый Измаил, всю твердость погубя,
Пресилен наконец, повержен от тебя!»*

Эпистола, отдавшая справедливость победителю Измаила, тогда, как другие в это время, по словам историка, «его забыли», кончается словами:

*«Успеешь побеждать, люби побед награду!
Прочти с улыбкою миролюбива взгляду –
Я удостоюся таких тогда похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял!»*

II. Письмо Кострова от 30.09.1792.

Вот письмо Кострова из бумаг Куриса, писанное к Суворову в Финляндию, как видно, после предварительной отсылки ему переводов из Оссиана, которые, к сожалению, не сохранились в числе изданных произведений автора первого Русского перевода Илиады.

«Сиятельный граф, Милостивый Государь! Полученное мною от Дмитрия Ивановича, г. Хвостова, письмо, в котором изъяснят он удовольствие и благоволение вашего Сиятельства в рассуждение *Оссиана*, правдивою восхитило меня радостью. Так, сиятельный Граф! Я не столько горжусь добротою перевода; много есть лучше меня переводчиков, сколько тем, что он украшен и возвышен знаменитым вашим именем, и притом имел счастье удостоиться вашего внимания и одобрения. *Получить похвалу от Героя* и от справедливого дарований судии, *есть счастье для всякого завидное*, и, тем более, что [7] я, посвящая вашему Сиятельству посильный мой труд, руководим был одним только достодолжным высокопочитанием *к такому подвижнику, которого имя и потомству будет любезно, драгоценно, восхитительно. Я смело могу сказать:*

*«Суворов почестей чрез подвиги достиг,
И грудью собственной трофеей себе воздвиг;
Не зная, что праздность есть, его отлична доля!
Он любит бодрствовать средь бранноносна поля.
Сын славы, чести сын, воспитанник победе!
Он правотой души в восторг приводит свет.
Не раболепствует он счастью слепому,
Но к славе по пути он шествует прямому!
Так я, поя ему Парнасские хвалы,
Ужели заслужу завистной яд хулы?
Что мирный звук гласит, о том весь свет вещает,*

И струны он мои собою оправдает!

Героям не нужна ученых хитра лесть;

Их собственны дела – их достодолжна честь!»

Таким образом изъясняться в рассуждении вашего Сиятельства за счастье себе почту, хотя пред целым светом: он удивлен, он наполнен геройскими вашими подвигами, а потому и мне охотно отдаст справедливость. Стократно я благополучен, если и впредь удостоюсь быть Музою, покровительствуемою вами, и которой лира посвятится к прославлению знаменитых ваших деяний. Так мой долг, моя честь, слава и счастье быть всегда с достодолжным высокопочитанием, преданностию и признательностию вашего Сиятельства, Милостивого Государя, всепокорнейшим слугою, *Ермил Костров*. 1792 г. Сентября 30».

III. Заметка из дневника Суворова 1792.

К этому же времени относится следующая оригинальная заметка из дневника Суворова, навеянная чтением перевода Осиана, присланного Костровым в Финляндию:

«Телентайполь. Странствую в сих Каменомшистых местах, пою из Оссиана; о, в каком я мраке. Пронзающий темноту [8] луч денного светила дарит меня. Перевод с Аглицкого».

(Следуют стихи Суворова):

«Оставших тэней всех предтекших поражений

Пятнадцать тысяч вихрь под Мачин накопил,

Герой ударил в них, враг возопил;

Здесь сам Визирь, а с ним сто тысяч привидений!»

(Далее опять заметка):

«Облистал Нейшлот; я вознесен туда на крыльях легкого ветра, исходящего из недров Кутвелэнтайполя; проходя пустыню Пумалы, содрогаюсь от стремнины долней; обратясь, я в Гейкенсильде. Брега его не столь облачены камнем, как в Кутвелэнтайполе, где еще не успели омшиться, и здесь только видна их бахрома. Возри на сей донный плитник; сто сухих дубов его пожигаются, бесконечно, воздух наполнен мглою. Но что я вижу. Толстота земли изгибается под непрозрачными волнами быстро текущего Сайма. Где же мой друг Истенгель? В объятиях ли его любезной супруги или в беседе с душами, переселенными в густые туманы? Он повергает меня в уныние, умножает мою печаль, летящую с юга! О, Барды, воспойте тамошнюю радость; скоро ли меня перенесут тамошние орлы в те медомлечные страны, где я толико упражнялся с бранноносцами и где бы я тонкий воздух, в ваше снежное время, наполненный зефирами, приятно разделил, хотя на роге мира!»

IV. Письмо Суворова к неизвестному от 3.08.1792.

Собственноручное письмо Суворова к неизвестному лицу, также из Финляндии:

«*Кюменгород*. Ч. 3 Августа, 1792 года.

Не нужно! И от устали П. Ив. (Петру Ивановичу) не пишу. Как другу моему, приметнее вы ему. 1-е, ехать ему сюда не что рано; а в полном виде – изволит Бог! Все осмотрим в начале Сентября, как явится к нему Штенгель. Должно ему быть везде неделю. 2-е, здесь В. К. (великий князь), указ и [9] паки двуначалие мне принадлежит. С В. К. месячные рапорты о людях и лошадях, как начальнику дивизии, тако производство по сим, военное

послушание и обучение. Ив. Лог. (Иван Логинович) полное снабдение и содержание. Иначе лутче мне от гавени отказать; не могу кончить работ с настоящим полным успехом. 3-е, следует до меня; по окончании работ и экзерцициев могу я быть в С. Пб. на малое время против 22 Сентября. Теперь вхожу в будущие сметы и планы. Деньги исправны, кроме 2,000, уделенных Ив. Лог. от кордегардных подрядчикам, Принцу Нассау: *Но введи меня Боже паки в полевую службу*».

V. Заметка из дневника Суворова 11.10.1792.

Как дополнение к тому же 1792 году, относится собственноручная заметка Суворова в виде дневника, без начала и конца, также еще из Финляндии:

«Канас. Ч. 11 Октября, 1792 году.

... И супруг вранов едва здесь видит. С новой луны непрестанные дожди, темнота, мрак, краткие дни; бури заносят плотины; обновляющиеся необоримости; 500 кубических сажень разорвано или сожжено поддонной плиты. В сих трудах и сокращающейся жизни оставь меня в покое, о, Фальгот! воспитанный при дворе и министре, и от того приобретенными качествами препобеждающий грубого солдата! Не довольно ли уже ты меня унизил? *И не от тебя ли, моего кровавого банкета, десерт Коховскому?* Ты меня якобы хвалишь; твой лай не столько мне вреден; под сею благовидностью плевелы скрыты и под розами терны! Петр Иванович, исторгайте меня в поле; Херсон моя участь? *Тут я потеряю Великой Императрице!* Иначе был бы вам грех: чрез неделю вас потешу...»

К сожалению Суворова, он действительно получил назначение в Херсон. Г. Милютин говорит: «В конце 1792 года Суворов получил новое назначение; под начальство его вверены войска, расположенные в Новороссийском крае. Поселившись в Херсоне, Суворов занялся обучением своих [10] войск» (191 стр. «Русск. Вест.» Март, кн. II, 1856). К этому времени относятся последующие бумаги Суворова, сохраненные у Куриса, прежде всего два письма *Петра Турчанинова*, из которых на первом, по получении, Суворов сделал оригинальную собственноручную приписку внизу.

VI. Письма П.И. Турчанинова Суворову от 14.01.1793 и 11.02.1793.

«Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь! Из отправленных вчерась от Графа Александра Андреевича депешей ваше Сиятельство уже известны о положении всех дел; теперь только донесу, что на укомплектование черноморских флотов, как всякого звания офицеры, так артиллеристы и рядовые, все наряжены, и следовательно флоты укомплектованы всем нужным. Деньги остановились за *личностями* Вас. Степ. с Алекс. Никол.; сей последний полн усердия и ревности, а первой *личнуется*. Но дело приходит в порядок, и деньги к вам доставлены будут. Офицерского производства по страшинству давно уже не было, а особливо дворяне в унтер-офицерах служили войну. Сие зависит от рассмотрения вашего. В Полше командовавшей зделал давно производство. С душевным почитанием честь имею быть, В. С., М. Г., покорнейший слуга Петр Турчанинов. 14 Генваря, 1793 г.»

Собственноручная пометка внизу Суворова:

«А неясно! Мне постигнуть далеко! Б. Г., Н. И., постигайте по-двох; (vague incertitude: сложная неточность! Неверь же, Кауниц; здесь солдатский язык; иной мне гибелью, в которой вам ползы нет. Ею закрывается безвидный и ходит с нами на ряду!»

«Вы себя и *моих финских* забыли. Зделайте милость хоть некоторым!»

Второе письмо *Турчанинова*:

«Сиятельный граф, М. Г! Пользуясь сим отправлением, донесу в-му с-ву. что Александр Николаевич, по присланному от вас векселю, вычел 36,000 р., наделав премножество хлопот; насилу согласился заплатить и просит, чтоб впредь векселей не давать, а представлять Ея Величеству о потребной [11] сумме. Генерал-провиантмейстер зделал тоже о взятой провиантской сумме, в щет строительной; а Василей Степанович уже и более всех, что из суммы, принадлежащей фабрике, взяли несколько на строение. Я думал, что при представлении планов и смет, неужгодно-ли назначить, во сколько лет те строения окончить полагаете, смотря по важности и нужде. А потому и сумма ассигнована будет на столько лет, сколько предположить изволите. С душевным почитанием имею честь быть в. с., м. г., покорнейший слуга, Петр Турчанинов. 11 Фев. 1793 года.»

VII. Письмо Суворова П.И. Турчанинову от ?.04.1793.

Черновое письмо Суворова к тому же Турчанинову:

«Копия с писма его превосходительству Петру Ивановичу Турчанинову, от – числа, Апреля 1793 году.

Ваше письмо, от 18 прошедшаго Марта, без верификации числ, лет и денег; *сей язык мне незнаком, вы давно ведаете!* Вы делаете конец началом и предваряете тогда, как я фундамент утвердил, который без разрушения предприемлемаго здания уже поколеблен быть не может. Политическое положение извольте спросить у вице-канцлера. А я его постигаю, как полевой офицер; так я отношусь. Пункты крепостей пришлите поверить. А в Тучкова, как инженера, настроение их своим течением пребудет, как пограничных, и недовершением могущее обратица при каком разрыве в жертву неприятлю людей и пушек. *Вы временили два месяца, место двух дней, подобно, как бы ловили меня за рыбу в тенеты, зная, что я не сплю!* Предварение ваше следовало быть, коли не на первых часах, то в первых днях, на мои первия отнесения, что строить, или хоть ничего, так как то от вас было по донному внутреннему Херсону, по которому и контрактов нет. *Ваши гражданские 10,000 несообразны здесь.* Пропал бы год, естлиб я чуть здесь медлил контрактами, без коих по состоянию страны обойтится не можно, и передал их в ваши руки. Я ссылаюсь на Василея Степановича и лучше бы ыв их ему отдали для благопоспешнаго производства. Вы говорите: их [12] ненадобно. Это надлежало мне сказать в С. Б-е, т. е. ничего не строит, что бы было против Высочайшей воли! Так сей год повороту нет. Будущий год в вашей власти. *Присылайте деньги, и с ними хотя вашего казначея!* Не везде ваши каменные батареи, но крепости; это не лишние против набегов татарских. Впрочем остаюсь с полною дружбою и истинным почтением.»

VIII. Письмо Суворова П.А. Зубову от ?.06.1793.

Следует знаменитое письмо Суворова к графу Зубову, приведенное и в статье г. Милютина на 212 странице. Сообщаю его потому, что за ним идут два неизданных письма к Суворову самого Зубова, и потому еще, что в статье г. Милютина есть небольшая разница в

правописании письма и некоторые слова, подчеркнутые мною, там заменены другими. Письмо, сохраненное у Куриса, не есть копия, но подлинное письмо, с полной подписью Суворова, и только разрезанное ножом до половины, как бы вследствие нерешимости Суворова, который, очевидно, отменил, было, вовсе отсылку этого письма.

«Херсон, Июня – 1793 году

«Млстивый гдрь мой, граф Платон Александрович!»

«Великой Монархини я всеподданнейше прошу о увольнении меня на сию продолжительную кампанию к немецким и союзным войскам с нынешним содержанием т.е. жалованьем и рационами с моим стабом и получаемыми столовыми на мц по 500. ру. К сему потребен мне паспорт с *обычайным* отношением, ваше сиятельство покорнейше прошу *вспомоществовать* в *снабжении* оными меня. Я здесь в Херсоне где ныне тишина: я ж давно безпрактики:

«Пребываю я Совершенным почтением и преданностию, млстивый гдрь мой, вашего сиятельства, покорнейший слуга, граф Александр Суворов-Рымникский.» [13]

IX. Письма П.А. Зубова Суворову.

Письма графа Платона Зубова:

1. «Милостивый государь мой, граф Александр Васильевич. При самом отъезде Иосифа Михайловича получил я от него письма ваши с предложениями, являющими, сколь рвение ваше к благу и славе отечество, столь и отличные знания ваши в ремесле военном; почитаю сие знаком лестнаго вашего ко мне доверия, буду сохранять их до времени, желая, чтобы щастливо существующий мир продлился на долгое время, для спокойствия отечества нашего; когда же враги России дерзнут разорвать мир и вознамерятся наступить силою, тогда предположения ваши вами токмо успешно в действие приводимы быть могут. С почтением и преданностию на всегда пребыть честь имею вашего сиятельства покорный слуга Платон Зубов.»

2. «Милостивой государь мой, граф Александр Васильевич! С начала извещон я был от Турчанинова, а потом по лестной для меня доверенности вашей узнал я чрез письмо ваше, доставленное мне племянником вашим господином подполковником Хвостовым о *намерении* *вашем* *выдать* *дочь* *вашу* *за* *полковника* *Элмта*. Из сей попечительности вашей о устройении жребия, познал я отеческое старание ваше о благополучии ея, не входя ни как в раздробление свойств, лет и взаимных пристойностей в сем бракосочетании. Немогу однакож, по моей к вам дружбе и преданности, умолчать пред вами, что *всемилоостивейшей* *государыне* *оное* *показаться* *может* *необычайным*, а быть может и неприличным, что дочь столь знаменитого Российскаго полководца, слывущало столь привязанным и к вере и к отечеству своему, отличенная именем и покровительством великой нашей Государыни, выдается за иностранного иноверца. Дочь ваша еще в весьма молодых летах конечно не замедлит сделать партию и приличнее, и выгоднее, и соответственнее состоянию, достоинствам рождению ея. Сие рассуждение мое наиубедительнейшее прошу вас принять в истинном его виде, доженствующим служить вам непреложным доводом моего к вам доброжелательства и искреннева желания видеть вас в полном удовольствии. С почтением и [14] преданностию на всегда пребыть честь имею, вашего сиятельства, покорный слуга граф Платон Зубов.»

Х. Письмо Суворова Екатерине II от ?.06.1793.

Письмо Суворова к Императрице Екатерине II, написанное набело и уже подписанное, но разрезанное пополам ножом, как бы оставленное сначала без отправления по назначению. Оно также приведено у г. Милютина с небольшим изменением текста и орфографии:

«Всемиловейшая Государыня! Ваше Императорское величество всеподданнейше прошу: высочайше повелеть меня, по здешней тишине, уволить волонтером к немецким и союзным войскам на сию компанию; с оставлением мне нынешняго содержания, из высокомонаршего Милосердия. Повергая себя к Священнейшим Стопам, всемиловейшая Государыня! вашего Императорского величества всеподданнейший граф Александр Суворов-Рымнинский. Ч. – Июня, 1793 года. Херсон.»

XI. Переписка Суворова с Курисом 1793-1794.

Теперь помещаю переписку Суворова с Курисом.

В числе бумаг последнего находится подорожная того времени от 1791 года с подписью «*Потемкин-Таврический*», где Курис назван «подполковником и кавалером», едущим через Киев до Петербурга, по владениям короля Польского и «наияснейшей Речи Посполитой». В подорожной предписывается давать Курису из курьерских и почтовых по двенадцати лошадей.

Далее в бумагах идет письмо Куриса к Суворову от 1793 года, любопытное тем, что в нем говорится, между прочим, о человеке не менее замечательном, как и сам Курис, а именно о докторе Трофимовском в Сорочинцах. Этот доктор напутствовал своими советами М. И. Гоголь, мать нашего великого писателя перед рождением последнего, и дослужился из сына простого сельского человека до высокого звания придворного доктора Екатерины. Доктор П***, уроженец этого края рассказывал мне трогательный и вместе комический случай, как отец Трофимовского, пожелав увидеть сына, [15] уже генерала и важного сановника, приехал в Петербург на паре доморощенных волов и, поживши у сына, неожиданно узнал, что его волов по распоряжению метрдотеля сына зарезали на говядину. Ни тройка отличных лошадей, подаренная отцу вместе с экипажем, ни доводы сына о вреде для старика такой медленной и далекой езды на волах в обратный путь, ничто не могло успокоить старого отца. Дело дошло даже до Екатерины. Наконец старика утешили и отправили с почетом, дав ему проводников и всякие удобства доехать обратно до родины. «Ни, ни! – повторял все-таки отец, - то кони, то все-таки не те. А то, сынку, были волики, мои доморослые, любые волики! От, хочь ты и еднарал, а зробыв, як дурень!»

Письмо Куриса к Суворову:

«Сиятельнейший граф, милостивый государь! Великие милости вашего сиятельства ко мне, источник благополучия моего; я до конца дней моих обязаннейший благодарник. Но изъяснение сих чувств ничто; се главнейший предмет мой быть в глазах ваших, Сиятельнейший граф, и заслуживать оныя.

Здоровье мое, которое столь мучит меня, великий поборник тому: двугодовая лихорадка еще имеет последствия во мне; я, благодаря Всемогущаго от нынешняго припадка, связаннаго с семидневною горячкою, избавился, но чрез день за всеми диетами и пользованиями чувствую лихородочныя пароксизмы. Я виноват пред собою, что Майй месяц пропустил, не пользовался травами; но тогда не чувствовал ничего. Доктор в Сорочинцах, *Трофимовский*, пользовавший меня, сие приписывал. Сиятельнейший граф: Я в оном медике,

паче других, по испытанию, уверен. Позвольте мне дней на двадцать отлучиться к нему. Безтого вдуше сокрушаюмь, чтоб болезнь не продолжилась со мною, паче по наступающей осени и старым остаткам. Он, по искусству своему, ближе всех меня облегчит. Я нигде ни суток терять не стану, поспешу обратитца к вашему сиятельству! – Нетерпеливо ожидая милостиваго на сие повеления вашего, пребываю с глубочайшим высокопочитанием и душевною до гроба моего преданностью, сиятельнейший [16] граф, милостивый государь, вашего сиятельства, всенижайший и преданнейший слуга, Иван Курис. Сентября 4 дня, 1793 года. Богоявленск.»

На этом письме, на обороте собственноручное решение Суворова:

«Дружески благодарю. Боже вас облегчи! Желая вас нетерпеливо видеть. Г. А. С. Р-й.»

Следуют три собственноручных письма Суворова к Курису:

I. – «Иван Онофриевич! Сюда – я приехал; вы приезжайте скорее. *Я вам конфеточку дам!* Г. А. С. Р-й – Ч. 20 Сент. 1793. Херсон.»

II. – «Херсон. Генваря 4. 1794 году. Иван Онофриевич! Благослови Боже ваше намерение свершить³. Я истинно радуюсь тому и желаю всех благ⁴. – Коротко написал: по малой мере прибавить должно, что я рад со слезами. Кланяюсь Ульяне Ивановне⁵. Помощник вам Христос Спаситель, Бог Иаковль! Г. А. С. Р-й.» Приписка: *«Благодарю за гостинцы.»* Гостинцы эти были маковники...

III. – «Белая Церковь. Июня 14, 1794 году. Иван Онофриевмч! Желая вас щастливо совершить ваше дело, и скоро вас видеть. Ульяне Ивановне мое почтение: Боже даруй Софье Григорьевне совершенное здравие. У вас на меня великий наклеп. А в истине гора родила мышь. Я только расформировал, по Высочайшему рескрипту, то есть обезоружил и распустил бывших тысяч до осьми польских войск, в Брацлавской губернии, без всяких препон, и мой шеф, граф Петр Александрович, скорым совершением сего очень доволен. Желая вам обеим мальчика!»

Курис, как видно из бумаг его, в 1799 году вышел в отставку из военной службы, из Кирасирского генерал-майора князя Ромодановского Ладыженского полка с чином действительного статского советника, для определения к статским [17] делам. О дальнейшей его жизни я не мог собрать никаких сведений.

ХII. Заметки и копии черновых писем Суворова (без дат)

Три черновые копии писем Суворова к разным лицам на лоскутке бумаги, подряд, очевидно, писанные в одно время:

I. – «П. А. (Гр. Платон Александрович Зубов?) Ежели в здешних странах войны не будет и случится идти корпусу против Французских извергов, то при оном колико бы я желал прославлять имя великой Екатерины! Уповая на благораспоряжение ко мне вашего сиятельства пребуду с совершенным почтением.»

II. – «П. И. (Петр Иванович Турчанинов?) Я готов положить живот в здешних к Дунаю странах. Но есть ли здесь не будет войны и отправится корпус против извергов Французских, - какая бы мне высочайшая милость, ежели я при оном буду!»

III. – «Д. Я! Вот вам инструменты, которые лучше, или оба, для употребления, но не иначе, как в свое время и весьма по приличеству. Здешний пост мне ни мало рисковать не надлежит; потеряв, иногда опять не найдешь. *Вы ближе к кабинету, так и судите!*»

Клочки из разных собственноручных заметок Суворова.

Записка по-французски: «Vous croyant á Jassy, á ce propos, pour un siege aussi inopine il faut des pioches et creuses terre ; ici ils ne siffissent gueres et il y en á très peu au grand corps du genie dont on ne pourrait rien tirer. – 1000 r. seroit de trop pour les preparer ici átems, en reserve, s'il y iroil méme de ma bourse... Quelle est vitre opinion, dois-je y mettre main ? Mon cher chevalier, un moy sincere en reponse a celui qui sera le mème jusque á son Coeps-poussiere : notés ici bas !» - *Внизу приписка* другою рукою: «Les orders á cet egard seront donnés incessamment.» [18]

Отрывок в виде дневника, на клочке, прозою, но расположенный в форме стихов:

«Здесь поутру тошно; в вечеру голова болит.

Перемена климата и жизни!

Здешний язык и обращение мне незнакомы;

Могу в них ошибаться...

Потому расположение мое неодинаково –

Скука или удовольствие!

По кратковременности мне неколи, поздно, охоты нет иному учиться –

Чему до-сего научился!

Это все к поступкам, не к службе!

Глупость то или яд, не хотите различать;

Подозрения на меня быть не может, я честной человек,

Бог за меня платит;

Безчестность клохчет и о частом моем утолении жажды;

Известно, что сия умереннее, как у прочих!

Зависть по службе – заплати Бог!

Выезды мои кратки...

Ежели противны, и тех не будет!»

Следует за этим маленький лоскуток бумаги, исписанный сокращенно и очень неразборчиво рукою Суворова. Буквы его фамилии: Г. А. С. Р. дают понять кое-что из этого чернового отрывка, и я привожу эти заметки Суворова для желающих их объяснить:

«Г. А. С. Р-й. От меня больше пользы! После не было бы странности при Варне, Шумле. – Ответ списочнаго страшинства помешал Г. С. Р. перенести театр чрез Шумлу, за Балканы.

В частности Г. С. Р. удручен милосердиями. Земля, корпораль! В общественности на том же рубеже: П * * овластчен к плодоносиям. Так Евгений, Лаудон, пр! Они обошли Г. С. Р-й. во всей Армии никого.

Элмпт из чужестранных в капит! Г. С. Р-й. серж. гв! К. Ю. Долгор. с ним одного года в службе по списку, в колыбеле. Над протчими Г. С. Р. старее годами и службою: кроме [19] Ероп., что особо из уволенных. – Г. Брюс по адъютанству гвардии, Г. Сольиков по камер-юнкерству и франкфортскому известию, Н. Сольиков по обер-квартирмейстерству и франкфортским знаменам, Репнин по адъютанству гвардии, Каменский по Артиллерии и квартирмейстерству, Каховской по квартирмейстерству, К. Ю. Доргор. полк. Кроат, коих не было. Все они были обер-офицеры. Г. С. Р. премьер майор.»

«*Si je serois f. Cezar, je te nommerai le premier Capitaine du monde. Настоять на это было бы подобно тому Московскому Архимандриту, что себя пожаловал в Преосвященного Платона... физикально и морально!* Время кратко, сближается конец. изранен, 60 лет и – сок высохнет в лимоне.»

Следует в таком же роде оригинальная заметка с сокращениями слов, в виде отрывка из дневника, под именем: «Необходимость». Привожу из нее удобочитаемые места:

- «П. П. И. Шувалов старее его, за претензию в волосы; Шувалов к Сальикову придрался. Сменить. Конференция Шувалову. Боится от двора, наклонил Бутурлина: мне он

надобен. Шувалов необходим! Бутурлин из шутов в дураки. Между прочим король заключен под Швейдницею; Бутурлин без памяти ушел. Россия – хоть трава не расти!»

«Польша. (Никогда как ныне я уничтожен не был). Валериян за столом наклонил. Суворов один, в Римлянах необходим. Закулисной там лучше короля.»

(Зубов) «Холодно о Финляндских работах. Поворотил меня на юг: они хороши! Кончил или кончу, или будущие и без меня кто кончит. У Регента ссора с королем. Фантазия для глупых, или летящий сверчок!»

«Необходимость дочь Р-а! (Регента?) Твержу его, будто других нет.»

«Благовидностию никто так играть не умеет; и всем из того польза. Упрятан я здесь; есть место, где впредь упрятан буду.»

«Светил бы месяц, звезды... Царь жалуется, псарь не жалуется!»

«Беер, что делать мне, ежели 2 раза забудет по миру ходить. Лучше абшит...» [20]

«Какая связь у Ре(Пнина) с особами? И интерес.... П * * и Т-в легкл в связи с Р. не любит – боится; не в участи – заведен Реп. обманывать не его, нечто он знает гибкость, но шурупы благовидности не понимает. Гроза ему евангелие. Как гуляет Михельсон, он не без дела....»

«Херсон, там-то мне и дело; здесь кончит иной; есть Тучков, а Щербатов руководствует...»

«Я, мне важности Термопил уже нет. Россия оружие; оружие завеса им; ныне исправить могут кардинал Демосфен и Терразиты....»

«Живая грамота, вами употребляемое, женское; живая грамота вы; у всякого другаго вихрь развеет на пути память, личность переменяет, смысл и вид; не призирайте, я скрою, - участь корысти, молва подкоп, зарница – перун....»

Наконец, из *«Суворовских бумаг»*, хранившихся у Куриса, прилагаю записку Суворова, помеченную таким заглавием: *«Слова и наставления графа Суворова-Рымникского, при возложении ордена Георгиевского»*.

Вот эти оригинальные, самобытные, так знакомые каждому изречения Суворовского «солдатского красноречия»:

«Получил. Быть может, что (орден) обретется в тягость. Для того приобретать достоинства генеральския.

1., Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она: в содержании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2., Солдату – бодрость, офицеру – храбрость, генералу – мужество. Выше всего – глазомер, то есть пользование положением места, - трудолюбие, бдение и постижение....

3., Непрестанная наука из чтений; сначала регулярства – курс Марсов; а для единственных 6-ти ордеров баталии, старинной вигеции, по Русской войне сало описания, в прежнюю и последнюю Турецкие войны, с великим затвержением эволюций; старинныя ж, какие случаются; Монтекукули очень древен и много отмены соображать с нынешними правами Турецкой войны. Карл Латаринский, Конде, Тюрен, Маршал де-Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы, и також [21] поясняется текущею с Французами войною. *В ней много хороших правил; особливо к осадам!* – Стариннейшия ж, возбуждающия к мужеству, суть: Троянская война, Комментарий Кесарева и Квинтус Курциус, Александрия. *Для возвышения духа старой Ролен....»*

Надеюсь, что читателям любопытно будет встретить здесь самые отрывочные слова из дорогой и всем нам любезной речи великого полководца. Для биографа Суворова приведенные мною здесь письма Суворова, заметки его и письма к нему разных лиц – наверное, дадут что-нибудь новое. Я же сочту себя вполне счастливым, что через меня

опубликуются эти, сохраненные в семействе Курис, «Суворовские бумаги», около 60-ти лет лежавшие под спудом.

Г. ДАНИЛЕВСКИЙ.

С. Петровское.
15 Августа 1856.

Примечания

¹ В № 15 «Русского Вестника» (1856), в статье о Суворове на стр. 192 г-н Милютин говорит: «Императрица предоставила ему возложить крест Св. Георгия 3 степени на того, кто, по мнению его, наиболее заслужил такую награду в последнюю войну».

² Сохраняю везде правописание подлинников.

³ Речь идет о женитьбе Куриса.

⁴ С этих пор идут другие чернила. Видно, что Суворов следующие строки приписал через несколько времени.

⁵ Жена Куриса.